

Никита БРАГИН

Родился в 1956 году в Москве. Окончил геологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН (Москва).

Автор одиннадцати сборников стихов, лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019), конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020).

Член Союза писателей России. Живет в Москве.

...И ВЕЧНЫЙ ВЗОР ИЗ КРАСНОГО УГЛА

Высокий штиль

Не в моде в наши дни «высокий штиль»,
его клещами рвут, болгаркой режут,
его усердно топчут по-медвежьи,
и, раздробив, перетирают в пыль.

Взамен – перелицованный утиль,
шансон убогий да жаргон несвежий,
бесстыжий рэп и клиповая нежить,
и замудрённый стиль для простофиль.

Как хочется ответить на такое
без гнева и без криков наобум
негромкой, но уверенной строкою,

где был бы чист и ненавязчив ум
и тихий дух высокого покоя
звучал слышнее, чем базарный шум.

В деревне

И все-таки, что делать нам в деревне?
Ходить в соседний двор за молоком,
по солнцу жить, расстаться со звонком,
дожди и холод принимать душевно?

Прийти к доярке в поисках царевны
и притвориться, что давно знаком,
по стопке выпить с каждым стариком,
премудростью обогащаясь древней?

Вещать и просвещать, вживаясь в роль?
В согласии с передовым учением
поверить, что ругательство – пароль
и шибболет бесспорного значенья?

Нет. Просто вспомнить вековую боль
и поклониться, попросив прощенья.

Песок

Обычный сахар назови песком
и жизнь свою представь струей сыпучей,
где малая крупинка – целый случай,
а целый год – как ложка над мешком.

Вкус времени так дорог, так знаком,
как память детства, как подарок лучший
на день рожденья, как звезда над тучей,
как яхонт, берегомый под замком.

Я пью из родника воспоминаний
одну печаль, но с первого глотка
она всё мягче, холодней, туманней.

Так лёгкий снег припорошит слегка
безмолвие полей на зорьке ранней,
и дремлет даль, светла и высока.

* * *

Как вода ключевая
сочится сквозь льдистые трещины,
чтобы к свету дневному
из чёрной взойти глубины;
как сквозь сумраки лет
вспоминаешь любимую женщину,
чтобы знать, что навеки
мы рядом и мы влюблены.

Как бескрайность дорог
и томит, и взывает, и грезится,
чтобы душу обнять
и к пустыням тебя увести;
как смирения путь
к небесам поднимается лестницей,
чтобы отдан был долг
и проснулось простое «прости».

Как мелодию неба
рождает разбуженный колокол,
чтобы слышал родное
забывший гармонию слух;

как рассветная тишь
обливается кровью и золотом,
чтобы солнце будил
на плетень залетевший петух.

Как сквозь хаос идёшь,
сквозь пустых пересудов сумятицу,
чтобы крепость креста
воздвигать на скрещеньях дорог;
как из стройных стволов
выбираешь надёжную матицу,
чтобы храма шатёр
лихолетие выстоять мог.

Как тропинку домой
узнаёшь по листьям подорожника,
чтобы тихо пройти
к стародавним сосновым венцам;
как в глуши городской
продолжаешь искать невозможное,
чтобы мыслью лететь
между рек молока и свинца.

И как ветром с полей
долетает дыхание колоса,
чтобы сердца коснуться,
вверяя любовь и покой,
так и слово живёт,
и всегда воплощается голосом –
от набатного грома
до песни простой.

* * *

Угасание дня,
увядание солнечных листьев,
бескорыстная щедрость
златых и румяных деревьев,
а по небу летят
облаков серебристые кисти,
и склоняется солнце,
ладони зари обогрев.

Вот бы в дальнюю даль
улететь, ускользя от мрака
на крылах у зари,
в алых перьях, медовом пуху...
Там слова самородны,
и каждая строчка – оракул,
и цветы под ногами,
и синие звёзды – вверху!

Замечтаешься так –
и внезапно ни света, ни звука,
лишь чернильная ночь
неподвижно стоит под окном.
Лампа, столик, тетрадь,
философия, вера, наука,
и любовь, и печаль,
и анапеста метроном.

Метельным вечером

Лизнул огонь трескучие поленья,
кирпичным жаром задышала печь,
узор на стёклах начал слёзно течь,
и законный мир открылся зренью.

И были долгие часы творенья
в медовом свете трепетавших свеч,
и выплывило золотую речь
молитвенное тихое терпенье.

И полетев, гармония взяла
к себе на крылья самое простое –
платочек, соскользнувший со стола,

пилёный сахар, блюдечко пустое
и вечный взор из красного угла,
наполненный любовью и покоем.